

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

А.Н. КОЖАНОВСКИЙ

“Баскский вопрос”: этнический или территориальный?

Исследуя демографическую и этнолингвистическую ситуацию в Стране басков и Наварре, автор приходит к заключению: групповая идентификация населения этого проблемного региона Испании строится не на этническом, а территориальном критерии. Данное обстоятельство – основа социальных и политических процессов территории, включая сепаратистские поползновения.

Ключевые слова: Испания, Страна басков, Наварра, этнолингвистическая ситуация, этничность, региональные сообщества.

Having investigated demographic and ethno-linguistic situation in Basque Provinces and Navarre, the author comes to a conclusion. Group identification of population in that problem Spain region is founded on not ethnic, but territorial criteria. This fact is a basis of regional social and political process including separatist pretensions.

Keywords: Spain, Basque Provinces, Navarre, ethno-linguistic situation, ethnicity, regional communities.

Принято считать, что коренное население Европы в этническом отношении давно хорошо изучено: доподлинно известно, какие народы там проживают, какова их численность, а территории их расселения точно определены и нанесены на общедоступные карты. Сами же эти народы привычно воспринимаются у нас как *народы-этнос* – совокупности “людей, которые имеют общую культуру, говорят, как правило, на одном языке, обладают общим самоназванием и осознают как свою общность, так и свое отличие от членов других таких же человеческих групп, причем эта общность чаще всего осознается как общность происхождения” [Семенов]. Именно в таком терминологическом значении “народы” отождествляются с субъектами исторического процесса и политической жизни, к которым обращен известный лозунг о “праве наций на самоопределение” вплоть до отделения и образования независимого государства. В рамках этого “этноцентричного” подхода не вызывает сомнения факт, что любому народу имманентно присущи особые политические интересы, а справедливая национальная политика состоит в том, чтобы обеспечить каждый этнос собственной национальной “квартирой” – территориально-политическим или административным образованием, максимально совпадающим с ареалом его расселения. А затем представители данного этноса “у себя дома” сумеют распорядиться своей жизнью и судьбой лучше, нежели под руководством этнически чуждых функционеров каких-то внешних

Кожановский Александр Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

центров власти. Подобная простая логика получила широкое распространение и среди отечественных интеллектуалов.

Реализация “этноцентричной” парадигмы после утверждения советского строя привела, как известно, к созданию в нашей стране многоуровневой и разностатусной системы “национальных квартир”: от национальных сельсоветов до союзных национальных республик. Неизбежным следствием того же системного подхода оказалось фактическое введение в государственно-политическую практику коллективной ответственности по этническому признаку. Примечательно, что ни явно несправедливые, бесчеловечные репрессии в отношении граждан определенных национальностей, ни резко обострившиеся со второй половины 1980-х гг. межнациональные конфликты, ни распад СССР и вооруженное противоборство постсоветских государств и групп населения внутри них – не изменили, судя по многим признакам, позицию большинства жителей постсоветского пространства. Как и прежде, оптимальным решением проблемы этнической конфликтности считается создание “своего” национально-государственного образования для каждого этноса, субэтноса, иногда даже этнографической группы.

Эти стереотипы естественным образом экстраполируются вовне, например на Европу. Многие ее страны воспринимаются и описываются даже в научной литературе как многонациональные в том плане, что в них проживают на исконных территориях несколько народов, обычно находящихся в очень непростых, а то и конфликтных отношениях и между собой, и с центральной властью. Испания в этом ряду всегда трактовалась как один из наиболее ярких примеров. В самом деле, доминирующий (исторически, политически и численно) народ (*испанцы*, или *собственно испанцы*) сосуществует здесь с *национальными меньшинствами*, имеющими ярко выраженную специфику и вынужденными защищать ее от ассимиляторских поползновений большинства.

Наиболее известное из этих исторически угнетаемых и третируемых меньшинств – баски: самый древний и экзотичный народ Европы, упорный и непреклонный в своей вековой борьбе за самобытность и самоопределение (см. [Каро Бароха, 2004]). Проблема баскского народа – казалось бы, хрестоматийный образец застарелого *этнополитического конфликта*, но только при условии, если это понятие интерпретируется традиционно: как конфликт, чьи субъекты идентифицируют себя и противников в этнических категориях, а содержанием их конфронтации выступает борьба за политическую власть, то есть образование собственного национального государства (см., например, [Аклаев, 2005]). Правда, в таком случае непонятно, почему этот конфликт продолжается и ныне, хотя со времени демократизации Испании прошло более тридцати лет, и почему все правительства этой страны, сменявшие друг друга за это время, будто солидаризируясь с экс-диктатором Ф. Франко, решительно отказывались признавать национальный (этнический) характер данного противостояния?

Вообще поведение в этой ситуации испанских властей, если исходить из привычного понимания смысла национального вопроса, выглядит довольно странным и нелогичным. Так, нынешняя официальная Испания, подобно правителям прежней, авторитарной эпохи, отрицает наличие национальных меньшинств в составе своего населения, хотя эта страна присоединилась к Рамочной конвенции по защите прав национальных меньшинств 1996 г. и регулярно посылает в соответствующие органы Совета Европы отчеты о выполнении взятых на себя в этой связи обязательств. Далее, еще на рубеже 1970–1980-х гг., в период постфранкистского демократического транзита в Испании была проведена масштабная реорганизация государственного устройства. Жесткая централизация сменилась широким самоуправлением разного уровня; граждане получили право создать территориальные автономные сообщества с весьма широким кругом полномочий. Что важно, границы этих новых автономий были определены в строгом соответствии с демократическим волеизъявлением самих граждан. Наконец, возможно ли представить в нынешней Испании – влиятельном члене Евросоюза, стране победившей политкорректности, где постоянно декларируется забота

о правах человека и поддержании и распространении гуманистических ценностей и пр., – угнетение и подавление каких-либо проявлений культурной/общественной жизни национально меньшинства?

Понять, как сосуществуют и взаимодействуют эти вроде бы взаимоисключающие факты и обстоятельства не только познавательно в научном смысле. Анализ соответствующих реалий “баскского конфликта”, десятилетиями будоражащего испанское общество, позволяет во многом переосмыслить суть феномена, называемого традиционно этническим конфликтом, определив, действительно ли его субъектами-участниками выступают народы-этноты (в нашем случае – баски и испанцы).

Страна одних басков?

В доминирующей ныне отечественной традиции этноним *баски* закреплен за народом, живущим на севере Испании и в прилегающих районах Франции. Зачастую басков прямо отождествляют с носителями не индоевропейского языка *эускеры*. А поскольку известно, что на протяжении XIX–XX вв. количество говорящих по-баски неуклонно снижалось, а территория распространения этого древнего языка сокращалась: в настоящее время она, по существу, ограничена северной частью Автономных сообществ – Страны басков (включает в себя исторические провинции Бискайя, Гипускоа и Алава) и Наварры, то такие процессы трактовались и трактуются как ассимиляция басков доминирующим этносом – “собственно испанцами”. Данный подход характерен не только для местных политиков-сепаратистов и национально ориентированных интеллектуалов (см., например, [Urza, 2007]), но и для многих представителей научного мира, как в Испании, так и вне ее.

Эта трактовка ситуации выглядит вполне логично в упомянутой выше системе категорий и терминов, тем более что ассимиляторская политика правивших в стране режимов (особенно франкистского) по отношению к попыткам басков отстоять свою самобытность (в том числе языковую), не говоря уже об их борьбе за автономию, хорошо известна. Известно и то, что провинции Бискайя, Гипускоа и Алава, а затем и Наварра – исторические области Испании с баскоязычным населением – в ходе индустриального развития стали третьим по значению центром притяжения внутренних мигрантов-переселенцев после Мадрида и Каталонии. Согласно опросу 1979 г., проведенному вскоре после завершения франкистской эпохи, приезжие, постоянно живущие в Стране басков, составляли 34,8% населения, а отпрыски родителей-мигрантов – 9,2% [Linz, 1986, p. 492]. Это-то и дало основание некоторым исследователям, а также многим политикам говорить об умышленно организованном франкистами этническом “затоплении” баскских земель с целью “растворить” басков в массе мигрантов и таким способом “решить национальный вопрос” в этой части страны [Bourdarias, Idier, 1969, p. 22].

Данный тезис требует, как минимум, уточнения: при диктатуре Франко лишь продолжала действовать, пусть более интенсивно, демографическая тенденция, наметившаяся гораздо раньше. Ведь еще в 1890-е гг. среди населения Бильбао – крупнейшего города и промышленного центра Страны басков – местные уроженцы составляли только 59%; через десять лет их доля снизилась до 51%, а в рабочих кварталах – до 38–48% [Linz, 1986, p. 30]. Кроме того, границы баскоязычного ареала (территории компактного расселения говорящих на эускере) не совпадают с границами Страны басков и Наварры – регионов, отождествляемых с этнической территорией басков: ареал эускеры – меньше ее по площади.

А чтобы увидеть сложность и неоднозначность “баскского вопроса” во всей полноте, целесообразно вернуться к рубежу 1970–1980-х гг. – времени коренных изменений в Испании: перехода к демократии и либеральной экономике и невиданной по радикализму реформы – децентрализации государственного устройства. Именно тогда интересующая нас проблема не просто вышла на поверхность общественно-политической жизни, порождая многочисленные дискуссии, публичные акции, массовые кампании поддержки или протеста. В изменившихся условиях появилась возможность

этносоциологического анализа общественного мнения, что выглядело достаточно проблематичным в период франкизма.

Итак, по данным социологических исследований, численность носителей эускеры к началу 1980-х гг. оценивалось более чем в 550 тыс. человек [Lenguas... 1982, p. 24]. В Стране басков говорили на эускере или хотя бы понимали этот язык 36%, не знали его вовсе – 62%. По отдельным землям ситуация сильно варьировалась: в Гипускоа эти показатели соотносились как 53% и 42%; в Бискайе – 22% и 70%; в Алаве – 7% и 90%; в Наварре 10% и 84% [García Ferrando, 1982, p. 366]. Если сравнить эту картину с существовавшей во второй трети XIX в., когда доля баскоязычного населения по всем четырем тогдашним провинциям составляла 55% (в Алаве – 12%, в Наварре – 20%, в Бискайе – 93%, а в Гипускоа – и вовсе 100%), то налицо ощутимое ухудшение. Вероятно, помимо естественных процессов сказалось то обстоятельство, что на эускере после гражданской войны 1930-х гг. обрушились, по сути, гонения: язык этот фактически вытеснялся из публичной сферы.

В результате сложилось представление, что в условиях монополии *кастильского* (читай – испанского) языка в общественной жизни и массовой миграции его носителей в баскские провинции эускера была оттеснена в сельские районы. И исследования конца 1970-х гг. показали, что, хотя среди крестьян Страны басков большинство действительно говорили на эускере, их доля во всем баскоязычном населении не превышала трети, то есть большинство баскофонов были горожанами [Lin, 1986, p. 500]. В этой связи понятно, почему знаменитое движение за создание *икастол* – школ с преподаванием на эускере – развернулось не в сельской местности, а именно в городах. Причем в провинции Гипускоа 70–80% мигрантов высказались за обучение своих детей баскскому языку! (“Triunfo”, 1976, № 685, p. 31). А ведь это происходило в условиях “незаконности” эускеры, когда *икастолы* существовали лишь на частные средства, не только не получая помощи от официальных инстанций, но испытывая с их стороны сопротивление.

Испанская либерально-демократическая конституция 1978 г. признала официальный статус и за иными, помимо *кастильского*, языками страны в районах их распространения. Началось изучение баскского языка и обучение на нем в государственных и частных школах, которые посещали в то время, соответственно, 46,4% и 31,5% учащихся Страны басков и Наварры (в *икастолы* тогда ходили около 22,1%). Поддержка вновь созданного автономного правительства Страны басков существенно способствовала этому процессу. Началась институционализация *икастол*: придание им официального статуса и укрепление материальной базы. Вводя баскский язык в обучение, школьные власти особенно заботились о дошкольниках и учениках начальных классов. Поскольку к началу 1980-х гг. эускерой владело меньшинство учителей этих ступеней (в Гипускоа – 33,9%, в Бискайе – 15,3%, в Алаве – 9,4%), подавляющее большинство вакантных мест в педагогических коллективах стало резервироваться за баскоязычными преподавателями. В университетах дело было поставлено таким образом, что, как только позволяло число баскоговорящих студентов, немедленно начинались занятия на эускере по самым разным предметам, включая математику, химию, физику, биологию. К началу 1980-х гг., помимо дошкольной, школьной и университетской систем, администрация автономной Страны басков субсидировала довольно густую сеть учреждений, приобщавших взрослое население к баскскому языку: вечерние курсы, центры интенсивного обучения и т.д. (см. подробнее [Кожановский, 2006, с. 61]).

Уже первое баскское автономное правительство приложило большие усилия к созданию местного телевидения, желая превратить его в подлинный механизм возрождения эускеры. Возникшие отделы культуры при региональных органах власти взяли на себя финансирование нового баскского кино, театральных трупп и вообще разнообразных культурных объединений, заявлявших о намерении укреплять позиции баскского языка. Появились печатные издания, периодика на местном языке. Официальные документы Страны басков все чаще публиковались сразу и на *кастильском*, и на эускере. Начальники стали требовать от региональных чиновников знания баск-

ского языка, советуя им заниматься эускерой во вне рабочее время. Среди кастильско-язычного населения даже возникли опасения, что незнание баскского станет поводом к дискриминации при найме на работу в государственные учреждения (“Cambio 16”, 1985, № 711, p. 42–43).

Несколько иная ситуация сложилась в Наварре, которая в переломные пост-франкистские годы получила отдельный автономный статус¹. Вплоть до последних десятилетий XX в. Наварра, в отличие от Страны басков, оставалась слабо затронутой миграционным движением извне. Лишь в ходе процесса индустриализации, развернувшегося с 1960-х гг., демографические тенденции резко изменились, и в результате регион из демографического донора превратился в реципиента. На рубеже 1980-х гг. мигранты составляли около 14% местного населения [Lin, 1986, p. 411]. Только 15% от общего числа проживающих в Наварре говорили или хотя бы понимали баскский язык. Положение эускеры оставалось здесь значительно менее благоприятным, чем в Стране басков, – наваррцев-баскофонов было чуть более 53 тыс. человек. В качестве разговорного язык сохранился только в северной части региона [Lenguas... 1982, p. 119].

Движение за возрождение эускеры распространилось на Наварру, нередко называемую баскскими националистами “колыбелью” своего народа, в 1960-е гг., причем в таких масштабах, которые дали основание видному этнографу Х. Сатрустэги утверждать: “Все культурные люди Наварры дружно защищают баскский язык” [Satrustegui, 1974, p. 31]. В начале 1980-х гг. там действовали 42 икастолы и 15 государственных колледжей с обучением на эускере. В общей сложности оно охватывало примерно 10% учеников. В Наварре подтвердилось то же явление, что и в Стране басков: ученики, обучающиеся на эускере, в массе своей были кастильскоязычны. Тем не менее в Памплоне (столице Наварры) за обучение своих детей баскскому языку высказались 93% родителей. Порой сами они, объединяясь, нанимали преподавателей эускеры для факультативных занятий (“Triunfo”, 1976, № 685, p. 50, 92, 116).

В контексте данного исследования большую важность, однако, имеет вопрос о самосознании населения Страны басков и Наварры. Как писал в этой связи известный политолог Х. Линс, слово “баски” применяется к различным группам в зависимости от критерия, используемого говорящим: биологического (претензии на существование так называемой “баскской расы”), психологического (попытка выявить “национальный характер”), этнографического (акцент на особенностях фольклора, формах труда и быта), лингвистического и т.д. Часть населения Испании и Франции чувствует и определяет себя басками независимо от владения эускерой, происхождения от уроженцев Страны басков или иных объективных характеристик. У этих людей сплошь и рядом были несхожие политические взгляды, поэтому говорить, что баски стремятся к независимости столь же неверно, как и утверждать обратное. Результаты опросов самих местных жителей относительно условий, необходимых, чтобы человек мог считаться баском, это подтвердили. В Стране басков точки зрения распределились так: 69,2% респондентов сочли, что для этого нужно *жить и работать здесь*; 60,7% высказались за *происхождение из семьи местных жителей*; 30,4% – за *умение говорить на эускере* [Lin, 1986, p. 23–24, 32].

В таком контексте обращает на себя внимание примерное совпадение доли говорящих по-баскски с долей считающих это обстоятельство основным условием, чтобы “быть баском”. Выражает ли данная корреляция принадлежность к “истинным” представителям древнего этноса, а всех прочих – к чужакам или, возможно, ассимилированным? Здесь уместно привести мнение баскского филолога М. Сабалеты: «Баскский народ насчитывает около трех миллионов человек, из которых менее одного миллиона говорят по-баскски; среди этих последних огромное большинство владеет француз-

¹ Попытка включить Наварру – наряду с Гипускоа, Бискайей и Алавой – в единую автономную Страну басков была предпринята еще в начале 1930-х гг. в период республики, однако тогда большинство представителей наваррских органов местного самоуправления, от которых зависело окончательное решение вопроса, высказались против.

ским или “кастильским” языками» в зависимости от того, где они живут: во Франции или в Испании [Lenguas... 1982, p. 119]. Приведенные слова формулируют концепцию, согласно которой полноценная общность (народ!) – это **все население** в границах определенных регионов (Испанской и Французской Страны басков и Наварры), независимо от языка. Баск, считает цитированный автор, может и не говорить на эускере, оставаясь при этом баском.

В этой связи весьма показательны сравнительные данные о самоидентификации одних и тех же групп людей в момент их нахождения вне родного региона (но в пределах страны) и “дома”, в Стране басков. Ответы респондентов распределились следующим образом. В первом случае 73% назвали себя басками, 16% определялись по одной из трех составляющих регион провинций, 7% – по своей комарке (малой территориальной единице), а 2% называли себя испанцами. Во втором случае назвали себя басками – 79%, андалузийцами – 3%, кастильцами – 6%, эстремадурцами – 3% и т.д. Испанцев тут вовсе не оказалось (“Cambio 16”, 1980, № 434, p. 31). Иначе говоря, перед нами картина подавляющего преобладания регионального патриотизма; категория “испанцы” явно употребляется не в этническом, а в гражданском, общегосударственном значении. Мигранты (вспомним об их доле в населении региона) частично сохраняют внутреннюю связь с исходной территориальной общностью, частично уже отождествляют себя с местным населением и называют себя “басками”. **Таким образом, понятие, которое принято считать этнонимом, обнаруживает иной, региональный смысл.**

Долгое время общепризнанным лидером движения за автономию своего народа, за поддержание его самобытности оставалась Баскская националистическая партия (БНП). На рубеже 1950-х–1960-х гг. на политической арене появились новые силы, в том числе самая известная баскская организация ЭТА, возникшие как альтернатива слишком умеренному, по их мнению, курсу “старых националистов”. Молодые радикалы заявили о себе как сторонники крайних мер, в том числе и террора. Они поставили своей целью не автономию, как их предшественники, а полную независимость баскских земель, причем не только от Испании, но и от Франции по формуле 4+3=1 (баскское государство, состоящее из четырех исторических испанских и трех французских областей). С одной стороны, взрывы, похищения, убийства, контрибуции, громкие судебные процессы, а с другой – постоянные митинги, демонстрации, политические забастовки сделались с того времени неотъемлемой чертой общественной жизни Страны басков, а затем и Наварры. Интересно, однако, что с самого начала в рядах террористов, боровшихся за независимость баскских земель, обнаружались бывшие мигранты, выходцы из кастильскоязычных провинций Юга и Центра Испании, и их дети.

Это обстоятельство подтверждает выявленный опросами факт, что сторонники независимости Страны басков в определении “истинных басков” отдают предпочтение не языку, не происхождению, а прежде всего земляческому критерию (в цитированных социологических исследованиях выражаемого преференцией *жить и работать здесь*). Тем самым они как будто полностью отказываются от примордиальных – “врожденных”, “первичных” признаков, соответствующих нашим представлениям об этнической специфике. На рубеже 1980-х гг. такую точку зрения поддерживали 69,2% местного населения.

На первых же автономных выборах 9 марта 1980 г. националистические партии получили довольно большую поддержку в мигрантских кварталах городов Страны басков. Со временем такая поддержка продолжала нарастать. Это также означает, что “региональные” чувства: соседские, земляческие, областнические – в конечном счете, берут верх над всем остальным. Общность по территории проживания оказывается сильнее языковых, культурных различий, даже различий в происхождении. Как заявил тогдашний лидер БНП К. Гарайкоэча, ставший первым президентом Автономного сообщества Страна басков, “вопреки... тем, кто стремится разделить население региона на две общины – туземную и мигрантскую – народ проголосовал за баскский

национализм, который не делает различия между басками” разного происхождения (см.: “Cambio 16”, 1980, № 436, p. 27).

Нередко сентенция: “Баск – это тот, кто живет и работает в Стране басков!” – трактуется СМИ и даже исследователями-политологами как конъюнктурно-прагматический лозунг. Но уже сам факт выдвижения такой идеи показывает: для нее существует благодатная социальная почва. И в умах ее пропагандистов и тех, на кого она направлена, сложилось представление о двух основных общностях на территории региона, точнее, двух разнородных группах, взаимоотношения которых (равно как и их взаимодействие с Центром – мадридским правительством) определяют жизнь местного общества. В принципе, эти группы (общины) – своего рода полюса в общей картине культурно-языковых процессов. Первая группа – уроженцы Страны басков, потомки коренных жителей этой области, носители специфических особенностей образа жизни и мышления, говорящие на баскском языке, а вторая – мигранты, приезжие из кастильскоязычных регионов, не знающие эускеры, не разорвавшие внутреннюю и внешнюю связь со своей “малой родиной”, с территорией своего исхода. Обе группы, однако, не исчерпывают всей совокупности местного населения. Ведь есть еще потомки коренных жителей, чьи родители или более отдаленные предки утратили баскский язык, и есть также кастильскоязычные потомки приезжих во втором, третьем и более отдаленных поколениях. Наконец, определенная часть приезжих и их потомки усваивали баскский язык и даже переходили на него в повседневном общении. Все это происходит в определенных меняющихся условиях, под воздействием ряда переменных факторов. Регионалистская тенденция подталкивает мигрантов к постепенной “перекраске” (аккультурации), которая при благоприятных условиях может завершиться уже в следующем поколении. Ведь в идеале к нему психологически готовы и приезжие, и коренные жители. Но современная ситуация, конечно, далека от идеальной, и на пути реализации этой тенденции встают препятствия. В их числе исторически сложившаяся неполноценность роли эускеры в местной общественной жизни. Сюда добавляются и такие “технические” обстоятельства, как концентрация мигрантов в местах их нового проживания и трудовой деятельности, сводящая к минимуму возможность лингвистических контактов, да и, наконец, общеизвестная трудность баскского языка.

Понятно, что в таких условиях речь может идти о “размывании” идентичности не столько приезжих, сколько носителей баскской культурно-языковой модели, и о необходимости сохранения ими своих специфических черт. Тем не менее даже в столь сложных условиях происходит постоянный, хотя и не резкий, переход из группы мигрантов в промежуточную категорию лиц, говорящих по-кастильски, но связывающих себя с местной общностью. С момента прибытия мигрантов включается механизм ослабления прежних и становления новых связей, неуклонного изменения ценностных ориентаций личности. Процесс получает мощный стимул во втором поколении.

В последние десятилетия появляется все больше возможностей для укрепления баскскоязычного “ядра”, а также для реализации готовности промежуточной категории “баскизоваться” в языковом отношении. Ведь после установления автономного режима местные правительства из числа националистов взяли курс на “эускеризацию” региона. Да и те политики, которые провозглашают “басками” всех живущих и работающих в Стране басков, вовсе не индифферентны к эускере. Их отличие от сторонников консервативного “этнического” подхода состоит в том, что они оставляют открытыми двери в баскскую общность со всеми ее специфическими чертами, включая и язык, для всех, кто связали свою судьбу с регионом. Речь идет, если называть вещи своими именами, об установке на ассимиляцию мигрантов; о готовности принять всех, кто докажут свое желание расстаться с прежней идентичностью; о стремлении создать все условия для того, чтобы на этом пути было как можно меньше препятствий. Это хорошо прослеживается не только в политике автономных властей, но и, например, в практике местных политических партий. Так, уже упомянутая БНП, отказавшись от дискриминации “чужаков” при приеме в свои ряды, тем не менее обычно использует во внутривнутрипартийной жизни именно эускере. Мало того, часть почти ежедневных пар-

тийных мероприятий изначально включала в себя “элементы баскского фольклора: танцы, хоры, музыка с флейтой и барабаном”. В итоге оказывается, что мигрант, претендующий на членство в этой партии, должен усвоить не только “дьявольски трудный для изучения язык”, но и прочие баскские традиционные ценности, обычаи, образ жизни и т.д. (“Cambio 16”, 1980, № 434, р. 32).

Разумеется, баскское языковое возрождение – не однолинейный процесс, а тенденция, и немалое число людей не подпадают под ее действие или даже сознательно ему сопротивляются, настаивая на своем праве сохранить исходный языковой облик. На их стороне то обстоятельство, что эускеру приходится возвращать из крайне ущербного, подавленного состояния, что огромное большинство местных жителей привыкли обходиться без нее, что работа по языковому возрождению крайне трудоемка и дает не скорые и не слишком впечатляющие результаты. Тем не менее процесс идет, и в ряду его последствий – сокращение миграции в Страну басков и даже отток части тамошних обитателей в другие регионы государства.

Особенности регионализма в Наварре

Когда после падения франкизма во второй раз после 1930-х гг. на повестку дня вышел вопрос об общем автономном статусе Страны басков и Наварры, в ней началась ожесточенная политическая борьба между сторонниками и противниками объединения. Активному “панбаскизму” противопоставлялось историческое единство всех наваррцев независимо от хозяйственных и языковых различий. Один из лидеров наваррских “областников” утверждал, в частности, что “баскский элемент” здесь всегда “органически сочетался с другими культурами”. “Мы, наваррцы – свободный народ и имеем право решать собственную судьбу”, – говорил он (см. “Cambio 16”, 1977, № 299, р. 22). На всеобщих выборах 1 марта 1979 г. противники интеграции набрали в Наварре почти две трети голосов. В итоге этот регион и Страна басков стали отдельными автономными сообществами.

Иначе говоря, немалое число наваррцев, включая баскоязычных, поставили на первый план историческую самобытность своей “малой родины” в ее региональных границах (не отрицая при этом ни баскскую традицию, ни баскский характер языка части местного населения). Характерно в этой связи высказывание известного испанского этнографа, баска по происхождению, Х. Каро Барохи: “Наварра – не баскская, а *наваррская*. Это – очень древняя общность. Аргументы интегривтов: один и тот же язык, одна и та же раса – фальшивы” (см. “Cambio 16”, 1987, № 810, р. 145).

Социологические исследования подтвердили данную точку зрения. При опросе жителей Наварры о том, что значит для них быть баском, оказалось, что очень немногие (16%) считали необходимым условием этого владение родным языком; 29% связывали это с происхождением из семьи местных жителей, тогда как 53% отвергли данный критерий. Подавляющее же большинство, как и в Стране басков, солидаризировались с критерием *жить и работать* в своем регионе. Многослойность и лабильность самоидентификации наваррцев характеризует и тот факт, что, по их мнению, можно иметь в качестве родного языка баскский, но не считать себя баском и, напротив, чувствовать себя баском, не владея эускерой, имея родителей-небасков и зная о своем рождении вдали от баскских провинций. Наконец, оказалось, что люди с одними и теми же исходными характеристиками (место рождения, язык и т.д.) могут относить себя к разным общностям (см. табл.).

Хотя “областнический” Союз наваррского народа не стал ведущей политической силой в регионе, другие, более влиятельные партии общегосударственного значения поддержали самостоятельный статус Наварры среди “народов Испании”. Регионалистские чувства оказались столь сильны, что разные территориальные подразделения одной и той же общеиспанской партии нередко занимали разные позиции по этому вопросу: так, социалисты в Стране басков высказывались за включение Наварры в состав их региона, а наваррские однопартийцы выступали решительно против,

Этническое самоопределение населения провинции Наварра в 1980 г. (в %)*

Считают себя:	Местные уроженцы		Выходцы из других регионов
	Владеют эускерой	Не владеют эускерой	
Басками	39	4	–
Наваррцами	5	58	41
Теми и другими в равной мере	50	32	18
Испанцами	5	–	35

* Доли не определившихся и затруднившихся с ответом опущены.

Источник [Linz, 1986, p. 413].

отстаивая автономную обособленность своей “малой наваррской родины”. Отмечу, что баскские националистические партии, имеющие отделения в Наварре и, естественно, стремящиеся ко “всебаскскому” объединению, получили здесь на выборах 1979 г. лишь около 17% голосов [Linz, 1986, p. 427].

Опираясь на привычные для нас представления о национальном вопросе в Испании, разобраться в том, какова же этническая ситуация в Наварре, затруднительно. В самом деле, здесь есть коренные жители и есть приезжие; для части коренных родной язык – баскский, для остальных – кастильский. Кастильскоязычна в своем подавляющем большинстве и довольно представительная группа осевших в Наварре уроженцев других регионов. Самосознание прочерчивает в обществе иные разграничительные линии, поскольку среди всех без исключения названных категорий оказываются и “наваррцы”, и “баски”, и “столь же наваррцы, сколь и баски”, и даже “испанцы”. Кроме того, деление на “своих” и “чужих” еще более запутывает картину, поскольку критерии для этого различны: некий индивид может считать кого-то “своим” (допустим, наваррцем), поскольку тот, как и он сам, “живет и работает в нашем регионе”. Однако сам этот человек вполне может видеть в нашем индивиде чужака, поскольку тот родился, предположим, в Эстремадуре и не владеет баскским языком, а стало быть, не соответствует представлениям этого человека о “своих”. Обращает на себя внимание большое значение надрегионального сознания, в данном случае “панбаскистского”: ведь не так уж мало людей в Наварре определяют себя как “басков”. Однако из того факта, что в число их входят и местные, и приезжие, и говорящие на эускере, и не владеющие ею, вряд ли оправданно делать вывод об этнической доминанте в самосознании. Хотя справедливости ради замечу, что в наибольшей степени она присуща коренным жителям Наварры, говорящим на эускере, так что определенная зависимость от “этнических свойств” тут, видимо, есть.

В наваррском обществе борются две тенденции: одна из них – сугубо “областная”, вторая – “панбаскистская”, но и последняя не носит этнического характера. Ведь баскские националисты претендуют на всю Наварру и все ее население. Это хорошо отразилось в словах упомянутого выше К. Гарайкоэчеа, кстати, выходца из Наварры, чье избрание лидером БНП, состоявшееся в Памплоне, а затем назначение главой автономного правительства Страны басков трактовалось многими как символическое, призванное укрепить идею интеграции Наварры со Страной басков. Примечательно, что сам он при этом отстаивал специфику Наварры и ее населения независимо от языка и других характеристик и не сомневался, что в будущей единой Стране басков его земляки, в соответствии с границами региона, обретут собственный статус.

На мой взгляд, это только подтверждает, что в случае с Наваррой не этническая традиция борется с региональной, а сталкиваются и взаимодействуют между собой две регионалистские традиции разного масштаба. Правда, одна из них гораздо больше, чем другая, “окрашена” этнически. Но только “окрашена”, и не этим определяется

ее суть. Надо сказать, что не чужда этнической подпитки и “наваррская” традиция, но здесь пока доминирует такой подход: все, что создано на земле нашего региона, принадлежит всему его населению, заслуживает всяческой поддержки и будет культивироваться и защищаться местной властью.

Определенная разница между установками каждого из двух автономных сообществ, где исторически говорят по-баскски, видна из представлений их жителей относительно того, в чем заключается их специфика по сравнению с другими региональными общностями. В Наварре лишь 12% опрошенных сочли необходимым указать язык (в Стране басков их было 72%). Зато на обычаи указали, соответственно, 53 и 45%, на историю – 52 и 35%, на фольклор – 17 и 15%. Если добавить к этому показатели самоидентификации людей, находящихся вне своей “малой родины”: по комарке – 5% (в Стране басков – 7%) и по провинции – 62% (в Стране басков – 16%), то становится очевидным следующее: Наварра – репрезентативный пример доминирования локального самосознания в рамках ареала [García Ferrando, 1982, p. 364, 371].

Баски: народ-этнос или региональное сообщество?

Ответ на подобный вопрос достаточно сложен. От привычного, но неадекватного стереотипа о двух противостоящих в “баскских территориях” этносов (баскского и собственно испанского), которые четко осознают свои отличия в языке, происхождении, традициях, культуре, приходится отказаться. В реальности в этом ареале есть несколько в некотором смысле размытых и взаимопроникающих групп населения, находящихся в сложных отношениях между собой. Но аморфные порой представления индивида о “своих” и “чужих” довольно точно определяют его место в системе сложившегося социального взаимодействия. Приехать в Страну басков на постоянное жительство, а тем более родиться здесь, хотя бы и от приезжих, уже означает встать на путь отождествления себя с местной региональной общностью, то есть начать “становиться баском”. В дальнейшем человек, приобщаясь к проблемам региона, социально-экономически и политически интегрируется в нем. Конечная веха на этом пути – полное усвоение культурно-языковой **региональной** модели, которое облегчается тем, что мигрант в значительной степени внутренне готов к этому.

Ситуация, конечно, сильно осложняется и корректируется внешними факторами. Так, было время, когда баскская элита ощущала себя «самой “испанской” в Испании», считала своими предками тех, кто отвоевали Испанию у “неверных”, вернув ее в лоно христианства и цивилизации [Heiberg, 1989, p. 29]. К концу XIX в. “этнокультурный”, как мы сказали бы теперь, облик жителя Страны басков, включая его языковую принадлежность, уже не имел столь большого значения. Показательно, что сам С. Арана (1868–1903) – идеолог баскской независимости от Испании, поборник “расовой чистоты” своего народа и ярый приверженец “истинно баскских ценностей”, учил эускеру будучи взрослым. Понадобились многие десятилетия борьбы с равнодушием местных жителей, враждебностью и репрессиями властей и их сторонников в регионе, пока языковая модель “истинного баска” утвердилась как образец. А возможно, в трансформации образа “эталонного” баска немалую роль сыграл мировой “этнический взрыв”, до сих пор не до конца понятый феномен, проявившийся в Испании на рубеже 1950-х–1960-х гг.

Но как бы то ни было, политическая борьба националистов Страны басков, принявшая здесь наиболее ожесточенные формы, включая терроризм, – по сути дела, борьба за суверенитет **региона** и, соответственно, **всего его населения**, которое в большинстве своем осознает себя и воспринимается окружающими как баски. Хотя нельзя не видеть и того обстоятельства, что этому регионализму присущ очень сильный этнический заряд, который в последние десятилетия продолжает возрастать. Создается впечатление, что при поддержке властей автономии усиливаются ассимиляционные процессы, нацеленные на “поглощение” чужаков. Но скорее всего, речь идет о трудных, не сулящих скорого результата попытках активизировать тенденцию к

консолидации всех “своих” – жителей региона разного происхождения, разных языков на базе единой, соответствующей истинно местной традиции региональной модели, возможно, с прицелом на сецессию.

Своеобразная равнодействующая ряда факторов может быть представлена следующим образом: человек, родившийся в Стране басков, не обязательно говорит по-баскски, но тот, кто говорит, в большей степени ощущает себя баском [Linz, 1986, p. 351]. Сходным образом проявляется и такая тенденция: все социально-профессиональные группы населения Страны басков считают себя басками. При этом их сугубо этническая идентичность тесно связана с обстоятельствами их жизни и существует во множестве вариантов. Однако общность культурно-исторических символов и взглядов на историю Страны басков, на ее отношения со всем остальным испанским (то есть общегосударственным) комплексом – это то, что объединяет все категории населения этой территории [Greenwood, 1976, p. 51; 1984, p. 213].

Очень сложно охарактеризовать ситуацию в Наварре. Часть местных жителей полностью отождествляет себя с “баскской общностью”, при этом многие из них относятся к “референтной” для Страны басков модели “владеющих эускерой” (или тяготеют к ней). Это, казалось бы, свидетельствует в пользу значимости этнического фактора. Но все же значительное число жителей здесь просто руководствуются установкой: всякий наваррец – баск. И для большинства, которое однозначно определяет себя как “наваррцы”, или “баско-наваррцы”, “свои” – это в любом случае все, кто живут на территории региона независимо от языка.

Подводя итог, отмечу, что имеются веские основания говорить о том, что в самоорганизации, ориентациях, самоопределении и межгрупповых взаимоотношениях населения в Стране басков и Наварре *региональное* начало преобладает над *этническим*. Те особенности, которые мы обычно называем *этническими* (представление об общности происхождения, языка, обычаев, фольклора, особых форм жизнедеятельности и т.д.), для подавляющего большинства населения важны не сами по себе, но постольку поскольку они наиболее адекватно олицетворяют данную территорию и как бы порождают ее. Иначе говоря, эти “этнические особенности” не действуют прямолинейно, не становятся универсальным формообразующим элементом. Не они обеспечивают поддержание связей внутри общности, определяют ее характер и количественный состав. Их носители совсем не обязательно видят друг в друге “своих”, а во всех прочих “чужих”. Наоборот, в числе “своих” нередко оказываются носители инородных культурных черт, ибо критерием деления “свой”–“чужой” служит территория. И это полностью соответствует издавна укоренившейся региональной традиции.

Таким образом, на рубеже 1970-х–1980-х гг. в общественно-политическом дискурсе Испании на фоне демократических преобразований достаточно прочно укоренилась регионально-территориальная модель самоидентификации граждан. Это, конечно, не полностью устраняет этноязыковую идентичность, но, как минимум, редуцирует ее. Отмеченные выше закономерности и тенденции не утратили свою значимость и в XXI в., несмотря на некоторые явные изменения ситуации в регионе. Главное из них – медленное, но неуклонное укрепление позиции эускеры. Количество владеющих этим языком увеличилось в Стране басков за период 2001–2006 гг. на 118 тыс. человек, и доля тех, кто понимают баскский язык и могут на нем говорить достигла 60% (в Наварре за это же время число владеющих эускерой возросло на 16,2 тыс. человек). В обоих случаях сюда следует приплюсовать еще и многие тысячи жителей, которые понимают язык, но не решаются на нем говорить [Iribarren, 2008].

Но данный факт пока не находит прямого отражения в сфере политики, несмотря на незатухающую политизацию “баскской” проблемы в Испании. Хотя, по оценкам многих экспертов, столь высокого уровня регионального самоуправления, как у нынешней Страны басков, нет ни в остальной Европе [Испания... 2007, с. 361], ни в самой Испании [Кожановский, 2002], правительство этого автономного сообщества на протяжении первого десятилетия XXI в. настойчиво, но пока безрезультатно пыталось добиться политическими средствами независимости своего региона *de facto* через

предоставление ему статуса “свободно присоединившегося к Испании государства”. Тем самым, по замыслу проводников этого проекта, баскский народ обретет, наконец, возможность самостоятельно решать свою судьбу – “в соответствии с международно признанным правом народов на самоопределение”. Тем не менее, и в тексте нового “Статута басков” понятие “баскский народ” определяется как совокупность всех **тех, кто постоянно проживают на территории Страны басков**, а под «баскской диаспорой» понимают лиц, проживающих вне пределов Страны басков, но бывших до своего отъезда постоянными обитателями этого региона, – а также их потомков...» [Rroquesta... 2003]. Ни о каких особых правах “баскской этнической общности”, как, впрочем, и о самом существовании ее или чего-то подобного под иным названием в документе нет. По многим существенным признакам, здесь, как и ранее, доминирует “областническая” традиция осмысления местным политическим классом историко-культурных и языковых различий населения региона.

* * *

Есть ли в приведенном выше описании “баскской проблемы” нечто, представляющее для нас, россиян, какой-то интерес, помимо сугубо познавательного? Думается, есть. Очевидное свидетельство того факта, что в некоторых вполне развитых и демократических странах мира культурно-языковые различия среди местного населения не увязаны с жестко фиксируемой этничностью, но находят выражение в многовекторной, иерархичной идентификации крайне актуально для российской реальности, где по прошествии 20 лет преобразований не произошло подлинной деполитизации этнического фактора.

Конечно, испанский вариант (ощущение индивидом своей одновременной принадлежности к целому ряду *народов*: от *народа* родного селения – по нарастающей, через комарку, провинцию, регион – к *народу* всей страны) явно противоречит нашим представлениям и установкам. Российскому обществу и особенно его политическому классу все же целесообразно осознать факт многослойной, и главное – текучей, иерархичности группового самосознания, когда актуализация того или иного его компонента задается конкретной ситуацией. В противном случае Россия будет обречена не только на вечные и непродуктивные споры о “правильных” внутренних национальных границах (откуда недалеко до актуализации австромарксистской идеи относительно прав нации на самоопределение), но и на неэффективные бюджетные затраты на искусственное поддержание этнических культур меньшинств, чьи представители уже давно самостоятельно и добровольно идентифицировали себя с русской культурой (см., например, [Шабаев, 2006]).

Тем более, что такая смена парадигм в действительности не противоречит историческому опыту нашей страны. Ведь до Октябрьского переворота и директивных тотальных преобразований общества на этнонациональной основе в стране существовали заметные традиции идентификации людей по областническому (сибирское, донское и пр.) или же по конфессиональному критерию. Наряду с этим общество, как правило, мыслило иными, неэтническими, категориями. Приведу характерное высказывание: “Отец мой, граф Келлер, не имея ни капли русской крови, был бы чрезвычайно удивлен, если бы ему сказали, что он – не русский, или бы назвали его иностранцем... Интересы России были дороги сердцу моего отца” [История... 2009, с. 132]. Можем ли мы вернуться к этим давним, утраченным традициям нашего общественного развития? Как это сделать и нужно ли? Вопросы отнюдь не праздные, но и весьма не простые.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология. М., 2005.
Испания: анфас и профиль. М., 2007.
История России. XX век: 1894–1939. М., 2009.
Каро Бароха Х. Баски. М., 2004.

Кожановский А.Н. Быть испанцем... Традиция. Самосознание. Историческая память. М., 2006.

Кожановский А.Н. Испания: этнический фактор и административные границы // Общественные науки и современность. 2002. № 6.

Семенов Ю.И. Этносы, нации, расы (http://scepsis.ru/library/id_75.html).

Шабает Ю.П. “Бунтующая этничность” на европейском севере России // Общественные науки и современность. 2006. № 2.

Bourdarias J., Idier J. La nouvelle Espagne. Paris, 1969.

García Ferrando M. Regionalismo y autonomía en España, 1976–1979. Madrid, 1982.

Greenwood D.J. Castilians, Basques and Andalusians: a Historical Comparison of Nationalism, “True” Ethnicity and “False” Ethnicity // Ethnic Groups and the State. London, 1984.

Greenwood D.J. Ethnic Regionalisms in the Spanish Basque Country: Class and Cultural Conflicts // Iberian Studies. 1976. Vol. 5. № 2.

Heiberg M. The Making of the Basque Nation. Cambridge, 1989.

Iribarren J. La subida del euskera supera el efecto de la inmigración y el envejecimiento social // Diario de Noticias. 21.06. 2008 (<http://medios.mugak.es/noticias/fuente/7>).

Lenguas y educación en el ámbito del estado español. Barcelona, 1982.

Linz J. Conflicto en Euzkadi. Madrid, 1986.

Propuesta de Estatuto Político de la Comunidad de Euskadi. Ajuria-Enea, 25 de octubre de 2003 (<http://www.euskadi.net/r33-2288es>).

Satrústegui J.M. Etnografía de Navarra. Solsticio de invierno. Pamplona, 1974.

Urraza X.A. Routes to Linguistic and Cultural Integration for Immigrants in the Basque Autonomous Community (http://www.euskara.euskadi.net/r59-3693/en/contenidos/informacion/artik9_1_integrazioa_06_07/en_integraz/artik9_1_integrazioa_06_07.html).

© А. Кожановский, 2011